

**БОРЬБА ЗА ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ:
ПОЛИТИКА И ПРОПАГАНДА В РИМЕ (41–36 ГГ. ДО Н.Э.)**

Аннотация: В статье рассматривается проблема взаимоотношений между триумвирами в период 41–36 гг. до н.э. Автор отмечает, что республиканские лозунги служили для привлечения симпатий тех слоев населения, для которых республика, освященная обычаями предков, еще оставалась притягательной идеей. Именно поэтому политическая пропаганда приобрела особую значимость в период 41–36 гг. до н.э. Благодаря ее искусному применению, политические лидеры приобретали поддержку населения и отстаивали свое право на власть над Римом

Ключевые слова: политическая пропаганда, гражданская война, Римская республика, Октавиан, Марк Антоний, Марк Эмилий Лепид, Секст Помпей, общественное мнение.

Abstract: The article deals with the problem of the relationship between the Triumvirs in the period 41–36 BC. The author notes the active use of Republican slogans, which allowed political leaders to obtain the support of a significant part of the population of the Roman state. That is why political propaganda has acquired special significance in the period of 41–36 BC.

Key words: political propaganda, Civil War, Roman Republic, Octavian, Mark Anthony, Mark Aemilius Lepidus, Sextus Pompey, public opinion.

Политический кризис, обозначившийся в ходе Перузинского конфликта, не завершился с пленением Луция Антония, но получил свое развитие в последующих событиях. К весне 40 г.¹ Рим оказался на пороге новой гражданской междоусобицы, в которой, после относительного затишья, вновь столкнулись бы не отдельные полководцы, но целые коалиции, не единичные легионы, но многотысячные армии, где ареной кровопролитной схватки стала бы не Италия, но вся империя. Тем не менее, грозная туча, символизирующая гражданскую усобицу, посверкав молниями, не разразилась разрушительной бурей. Благодаря своевременному вмешательству легионов, конфликт между цезарианцами был урегулирован в Брундизии. Но это было только внешней, видимой стороной событий. Центробежные силы в конце концов раскололи триумвират как единое политическое учреждение. Разрыв произошел лишь в 36 г., тогда как истоки его следует искать уже в 41–40 гг.

События 41–39 гг. небогаты новшествами в методах политической пропаганды². Использовались уже отработанные лозунги, применялись

¹ Здесь и далее даты даны до н.э.

² Подробнее об основных направлениях, средствах и методах пропаганды см.: Ахиев С.Н. Монетная пропаганда в позднереспубликанском Риме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 47–51; *он же*. Основные

испытанные временем приемы – разбрасывание прокламаций, действия агитаторов, речи, публичные заявления, обвинения в измене достигнутым ранее соглашениям. Однако именно с 40 г. начинают прослеживаться новые тенденции идеологического противоборства, приведшие к крушению триумvirата. В этой связи необходимо более подробно остановиться на анализе политической ситуации в Риме в период 40–39 гг., когда были подписаны два договора – в Брундизии и Путолах, ставшие поворотными пунктами в направлении политики и пропаганды практически всех лидеров Римского государства.

Брундизийский мирный договор октября 40 г. нельзя рассматривать только как соглашение между триумвирами, завершившее политический кризис, вызванный Перузинским конфликтом. Он неразрывно связан в единую логическую цепочку с Путольским и Тарентским соглашениями 39 и 37 гг., поставившими заключительную точку в борьбе за обладание западной частью Римской державы. Договор в Брундизии положил конец только прямой, открытой конфронтации Антония и Октавиана, но одновременно с этим он стал отправной точкой для новой, более ожесточенной, более изощренной схватки за обладание Западным Средиземноморьем.

Единство триумvirата, о котором говорят некоторые исследователи, было только номинальным и, начиная переговоры, каждая из сторон преследовала собственные цели: все рассчитывали использовать соглашение для усиления личного влияния и, соответственно, ослабления соперника. Вот почему следует рассмотреть, как договор сказался на действиях всех участников борьбы – Лепида, Октавиана, Антония и Помпея.

Если судьба сицилийского лагеря Секста Помпея стала предметом острых споров, то в отношении Лепида вопрос решился быстро: было подтверждено его право на обладание Африкой (App. BC. V.65.274). Это решение было обусловлено не только позицией Октавиана, рассчитывавшего, по всей видимости, на свое влияние на Лепида, но и тем, что, как отметил В.Н. Парфенов, его права триумвира гарантировались армией, выступившей посредником в переговорах³. Лепид сумел использовать это обстоятельство, чтобы полностью выйти из-под опеки своих коллег. Очевидно, поняв причину своей политической слабости, он всю свою энергию употребил на создание сильной армии, не уступавшей по силе армиям Октавиана, Антония или Помпея. В результате уже к 36 году её общая численность достигла 16 ле-

направления пропаганды Гая Юлия Цезаря // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 43–49; он же. Мартовские Иды 44 г. до н.э.: идеология заговорщиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2016. Т. 17. Вып. 2. С. 165–170.

³ Парфенов В.Н. Триумвир М. Эмилий Лепид // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 133.

гионов⁴. Заметно, что независимость Лепида росла по мере увеличения количества его легионов: так, по свидетельству Кассия Диона, уже в 38 г. он отказался от участия в разгроме Помпея, как на том настаивал Октавиан (Dio Cass. XLVIII.46.2).

Источники почти полностью игнорируют идеологические мероприятия Лепида. Аппиан, Кассий Дион, Веллей Патеркул словно забывают о существовании Марка Лепида в период 40–36 гг., приводя лишь скудные сообщения в основном о его военных мероприятиях. Это сильно затрудняет любую попытку объективно исследовать направления пропаганды Лепида. Единственным надежным источником, на который можно опираться, является монетная чеканка. Однако и здесь есть сильное ограничение: количество сохранившихся монет Лепида крайне незначительно. Анализ этих выпусков приводит к выводу, что Лепид строил свою пропаганду в расчете приобрести поддержку цезарианской армии. Все монеты содержат легенду M.LEPIDVS III. VIR. R.P.C., подчеркивая претензии на роль одного из правителей государства. Изображение рога изобилия демонстрирует спокойствие и процветание общества, якобы установившееся после образования второго триумvirата⁵. Таким образом, избранные им направления пропаганды полностью идентичны политике Октавиана и Антония, проводимой ими в период 44–42 гг. К сожалению, об остальных направлениях агитации Лепида, равно как и об использованных им средствах пропаганды судить трудно. Пожалуй, единственным «изобретением» Лепида по привлечению симпатий армии было, как следует из рассказа Аппиана, позволение сдавшимся легионам Секста Помпея участвовать вместе с победителями в разграблении Мессаны (App. BC. V.122.507). Тем не менее, из молчания источников можно сделать определенный вывод. Отсутствие сведений о пропаганде Лепида говорит о том, что всю энергию он употребил на увеличение армии и флота, проигнорировав необходимость идеологического обоснования своих действий в Риме. И в этом была его ошибка, поскольку именно он, выходец из знатного рода, имел все шансы укрепить свое положение в Италии, «перехватив» республиканские лозунги у Секста Помпея или Антония⁶.

⁴ В. Тарн и М. Чарльзуэрт дают следующий расклад сил на 1 июля 36 г. (день начала общей атаки на Сицилию): Октавиан имел 21 легион, Лепид – 16, Помпей – 10 (Tarn W.W., Charlesworth M.P. *The Triumvirs* // САН. 1934. Vol. X. P. 59).

⁵ См., напр.: Cohen H. *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales*. Graz, 1955. Vol. 1. P. 32, № 1; p. 33, № 1–2; p. 34, № 1; Sydenham E. *The coinage of the Roman Republic*. L., 1952. № 1368. М. Грант отмечает чеканку Лепидом в 37–36 гг. до н.э. монет, на аверсе которых – изображение Цезаря, на реверсе – морская символика (Grant M. *From imperium to auctoritas. A historical study of Aes coinage in the Roman Empire 49 B.C. – A.D. 14*. Oxf., 1969. Pl. 12. № 12).

⁶ Как подчеркнул М. Леви, Лепид предпочитал выступать в роли посредника между нобилитетом и триумвирами (Levi M. *Il tempo di Augusto*. Firenze, 1967. P. 95 f.). К. Велч отметила, что Лепид был талантливым дипломатом, в то время как в Риме прежде всего ценилась воинская доблесть (Welch K.E. *The*

Говоря о новой политике Антония в Западном Средиземноморье, следует отметить, что в 40–39 гг. она ещё не оформилась окончательно. Однако несомненно, что уже с этого времени отношения Антония и Октавиана носили, преимущественно, нейтрально-враждебный характер. Даже брачный союз Марка и родной сестры Октавиана – Октавии не смог сблизить обоих триумвиров. Одной из важнейших причин охлаждения отношений между двумя авторитетнейшими лидерами Рима стала Перузинская война и последовавшие за ней мероприятия Октавиана, направленные на усиление своего положения в ущерб Антонию. Брундизийский же договор лишь утвердил поражение Антония, поскольку по его условиям он потерял стратегически важные провинции и часть своих легионов. Очевидно, что с политической точки зрения условия Брундизийского договора были полной дипломатической победой Октавиана. Ему удалось не только рассорить Лепида с Антонием из-за легионов армии Калена, но и, благодаря переделу провинций, он теперь мог развязать себе руки и приобрести независимое от Антония положение.

Однако успех Октавиана в Брундизии был сведен к минимуму уже в течение нескольких месяцев 40–39 гг. благодаря Антонию, который категорически отказался предоставить флот для разгрома Секста Помпея. Для Октавиана, не имевшего своего флота, это означало крах всех надежд на немедленный разгром еще одного реального претендента на власть, чьи популярность, авторитет, способности и силы заставляли считаться с его мнением.

Можно предположить, что именно этот договор осени 40-го года лег в основу новой политики Антония на Западе. Весьма показательным, что до этого времени он, обладая стратегически важными провинциями в Италии и вокруг нее, держал там огромную армию в 24 легиона⁷, не собираясь оставлять бесконтрольными действия Октавиана. Теперь же мы видим, что, лишившись возможности прямого вмешательства в события на Западе, он стал прибегать к испытанной веками политике *divide et impera*, всей силой своего сохранившегося в Италии авторитета поддерживая главных противников возвышения Октавиана (Секста Помпея до 37 года и Марка Лепида – в период 37–36 гг.), используя для этого свой статус триумвира, без которого не мог быть решен ни один важный вопрос, касающийся судьбы Римского государства⁸. И если Восток управлялся Антонием единолично, а

Career of M.Aemilius Lepidus 49–44 B.C. // *Hermes*. 1995. Bd. 123. Hft. 4. P. 454). Интересное замечание оставил Светоний: Лепид, в отличие от коллег, извинялся перед сенатом за проскрипции и выражал надежду на наступление времени милосердия (Suet. Aug. 27.2). См.: *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 90.

⁷ *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The Triumvirs... P. 42; *Tarn W.W.* Antony's legions // *ClQ*. 1932. Vol. 26. P. 77.

⁸ См.: *Scuderi R.* Marco Antonio dell' opinione publica dei militari // *Aspetti dell' opinione publica nel mondo antico*. Milano, 1978. P. 129 f. О популярности Антония в Италии среди ветеранов говорит эпизод, рассказываемый Аппианом. Он пишет, что ветераны-колонисты, набранные Октавианом «под видом

опасности грозили ему только извне – от Парфии, то западные территории Рима были, по существу, разделены между тремя соперниками, которые продолжили гражданскую войну. Антоний пристально следил за ходом этой борьбы на протяжении всех лет, с 39 по 36 гг., вмешиваясь в неё по мере необходимости. Причиной этого внимания к делам Запада был тот факт, что, как справедливо подчеркнули исследователи, там можно было намного легче набрать армию, мощь и поддержка которой определяли степень влиятельности политических лидеров того времени⁹. И целью новой политики Антония было не дать возможности воспользоваться этими ресурсами ни одному из соперников, а особенно Октавиану как сильнейшему из них.

Согласие Октавиана и Помпея пойти на заключение мира в 39 г. с обеих сторон носило вынужденный характер. Октавиан желал воспользоваться выгодами Брундизийского договора¹⁰. Его жесткая позиция, очевидно, определялась ветеранами Цезаря, традиционно видевшими в Помпее своего врага. Помпей, как показывает анализ хода переговоров, также не был намерен соглашаться на меньшее, чем заменить Лепида в триумвирате¹¹. Ни Октавиана, настаивавшего на

похода против Секста Помпея», узнав, что Помпей действует совместно с Антонием, "повернули назад" (App. BC. V.57.240). Вполне очевидно, что ветераны были готовы воевать с С. Помпеем, но выступали против войны с Антонием.

⁹ См.: *Tam W.W., Charlesworth M.P. The Triumvirs...* P. 32. С. Смитерст отметил, что «контроль над Италией являлся ключом для контроля над римским миром» (*Smethurst S. Marc Antony – reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960. P. 161*). Следует признать необоснованным мнение И. Хана, что Антоний, отказавшись от военного присутствия на Западе со времен Перузинского конфликта, в результате потерял и политическое влияние (*Hahn I. Die Legions Organisation des Zweiten Triumvirats // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1969. Bd. 17. fasc. 1–2. S. 216*). О существенном ослаблении влияния Антония на Западе можно говорить только с 36 г., но даже в 32 г. политический вес Антония в Италии оставался весьма высоким.

¹⁰ Аппиан рассказывает, что Октавиан, заключив договор с Антонием, стал форсировать события, стремясь использовать соглашение для привлечения его сил к разгрому Секста. В частности, были введены новые налоги на наследство и на владельцев рабов (App. BC. V.67.282; Dio Cass. XLVIII.31.1). О попытках Октавиана разгромить Помпея собственными силами см.: App. BC. V.66.277; Dio Cass. XLVIII.30.4–8. Впрочем, Кассий Дион представляет события так, будто триумвиры действовали согласованно (XLVIII.31.2). Скорее всего, Дион следует официальной версии событий. На подобные заявления Октавиана указывал Аппиан (V.79–80.334–341). Думается, справедлива оценка Путеольского соглашения, данная К. Кристом, по мнению которого, это был провал политики Октавиана (*Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. под ред. Н.И. Диденко. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1. С. 91. Ср.: Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 43*). Еще Веллей Патеркул подчеркивал, что Октавиан был принужден к миру общественным мнением (Vell. Pat. II.77.1).

¹¹ App. BC. V.71–73. Изучение обстановки в лагере Помпея накануне этих событий приводит к выводу, что единственной целью Секста и являлось выяснение того, какой объем полномочий готовы были уступить ему триумвиры. В случае, если этот объем окажется слишком маленьким, всегда можно было прибегнуть к плану Менодора (на тот момент – лучшего военачальника Пом-

уничтожении сицилийского лагеря, ни Помпея, добивавшегося места в триумvirате, условия ПUTEОЛЬСКОГО соглашения удовлетворить не могли. И единственным, кто, по нашему мнению, получил прямую выгоду от договора, был Антоний, выступавший в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Закрепив деление власти над Западным Средиземноморьем между Октавианом, Помпеем и Лепидом, ПUTEОЛЬСКИЙ договор позволил Антонию, как и прежде, в значительной степени контролировать обстановку в Италии.

Договор в Брундизии ставил Помпея перед лицом всей военной мощи Рима. Ясно, что Октавиан всеми силами спешил разделаться с ненавистным ему врагом. И только возмущение населения, страдавшего от голода и высоких цен, отрицательное отношение к войне Антония¹², начавшего проводить новую политику в Западном Средиземноморье, неспособность добиться победы собственными силами, – все это не позволило уничтожить сицилийский лагерь в том же году и заставило Октавиана сесть за стол переговоров с Помпеем в ПUTEОЛАХ в 39 г. Другими словами, ПUTEОЛЬСКИЙ договор стал реваншем Антония за поражение в предыдущих переговорах.

Но если говорить об общих результатах договора весны 39 г., то следует отметить, что наибольшую выгоду из него сумел извлечь именно Октавиан. Используя мощное оружие – пропаганду, Октавиан стремился заручиться поддержкой значительной части аристократии. Вероятно, он верно понял, что решив задачу разгрома сицилийского лагеря, ставшего центром притяжения беглых рабов, он не только устранил одного из своих конкурентов, но и сможет приобрести поддержку имущих слоев Рима и Италии. Отсюда и лозунги возобновления войны как меры, необходимой исключительно для расправы с беглыми рабами. Пропаганда Октавиана стремилась дискредитировать Помпея, которого, по словам Веллея Патеркула, называли «рабом своих рабов и вольноотпущенником своих вольноотпущенников»¹³.

пея), направленному на дестабилизацию обстановки в Риме (См.: App. В. С. V.70.293, 71.302. Ср. с оценкой: Кубанова А.И. Движение рабов в гражданской войне 43–36 гг. до н.э. в Сицилии // Ученые записки Гос. пед. ин-та. 1958. Вып. 8. С. 54–60.

¹² Интересное наблюдение оставил Аппиан. Во время бунта в Риме, когда толпа ранила Октавиана, в Антония камни не бросали, «поскольку он был готов на примирение с Помпеем» (App. BC. V.68.286). См. подробнее анализ событий: Goldsworthy A. Augustus. From Revolutionary to Emperor. L., 2014. P. 159–160.

¹³ Vell. Pat. II.73.1. В исторической литературе, начиная с А. Валлона, неоднократно отмечалось, что использование рабов в качестве вооруженной силы было в гражданских войнах конца Республики довольно обычным делом, и даже оптиматы не видели в этом ничего предосудительного. См.: Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 429; Машикин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М., Л., 1949. С. 297. Как отметила Е.М. Штаерман, лишь Цезарь принципиально отказался от зачисления рабов в свою армию (Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 232 сл.). Таким образом, обвинение Секста Помпея в использовании рабов было лицемерной пропагандой Октавиана, тем более что и сам он в это же время освобождал рабов и зачислял их в свою

Это в значительной степени облегчалось тем, что постепенно менялся характер власти Помпея: по мере того, как от него отходили представители нобилитета, в его политике все более стали усиливаться авторитарные тенденции¹⁴.

Уже в следующем году Путеольское соглашение было нарушено и вновь вспыхнула война. Её виновником следует считать Октавиана, который не смог удержаться от искушения разделаться с Помпеем из-за предательства Менодора, передавшего вверенные ему Сардинию, Корсику, эскадру и легионы в руки врага. Античная традиция оставила нам свидетельство того, что Октавиан в своей пропаганде стремился возложить вину за нарушение Путеольского соглашения на Секста Помпея. Впрочем, как кажется, ему не удалось убедить современников. Не случайно Аппиан позднее, предвзято описывая конфликт, отметил: «причины разрыва были иные, но в том виде, как их *выставил Цезарь...*»¹⁵. Обвинение Секста Помпея в возобновлении войны закрепилось лишь в позднейшей официальной историографии, да и то не в полной мере¹⁶.

Интересны действия Октавиана: он попытался привлечь на свою сторону других триумвиров. Но если Лепид, к тому времени достаточно усилившийся, чтобы перестать безоговорочно следовать указаниям Октавиана, по словам Кассия Диона просто отказался от участия в войне (Dio Cass. XLVIII.46.2), то Антоний, следуя своей политике в За-

армию (см.: Suet. Aug. 16.1.; Dio Cass. XLIX.1.5). О роли рабов и вольноотпущенников в поздней римской республике, см.: *Ripat P. Locating the Grapevine in the Late Republic: Freedmen and Communication // Free at last! The Impact of Freed Slaves on the Roman Empire / Ed. by S. Bell and T. Ramsby. L., 2012. P. 50–65.*

¹⁴ На это указывают: *Syme R. Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 228; Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orient. München, 1977. S. 213; Miltner F. Sex. Pompeius Magnus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1952. Hbhd. 42. S. 2213–2250; Парфенов В.Н. Секст Помпей и сицилийцы // АМА. 1990. Вып. 8. С. 68. На монетах Секста появляются символы морской мощи (См.: *Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la republique Romaine. P., 1886. Vol. II. № 26–31; Cohen H. Op. cit. Vol. I. S. 30–32*). Источники содержат многочисленные примеры этого. См.: Dio Cass. XLVIII.48.5; App. BC. V.100.416–417; Flor. II.18.3.*

¹⁵ App. BC. V.77.325. Далее Аппиан перечисляет обвинения, предъявляемые Октавианом. Главные из них – Помпей начал строить корабли, вербовать гребцов, перехватывать торговые суда (то есть возобновил пиратскую деятельность). Подобная оценка встречается и в современной историографии. См., например, замечание К. Криста, что Помпей возобновил «каперскую войну» (*Krist K. Указ. соч. С. 92*). Ср.: *Modrzejewski M. Menas // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1931. Hbhd. 29. S. 775; ibid. Munzer. Menodoros. S. 897*

¹⁶ См.: RG. XXV.1, XXVII.3; Eutrop. VII.6.1. Веллей Патеркул писал, что Помпею не давал успокоиться после мира его «беспокойный дух» (Vell. Pat. II.79.1). Анонимный автор даже утверждал, что условия мира нарушил Антоний (?!) (Ps.-Vict. 84.40). Но уже в древности высказывались сомнения в такой оценке событий. Кассий Дион писал, что война между Октавианом и Помпеем неизбежно возобновилась бы, независимо ни от каких обвинений (Dio Cass. XLVIII.45.5).

падном Средиземноморье, категорически потребовал не нарушать условия договора 39 года (App. BC. V.79.336. Ср.: Dio Cass. 46.3–4). Такая позиция Антония, по-прежнему имевшего огромное влияние в Италии, совершенно не удовлетворяла Октавиана. Иначе трудно объяснить ту наглую фальсификацию мнения Антония по поводу войны, на которую пошел Октавиан, заявив, что тому, якобы, известно о нарушении Помпеем соглашения, отчего он и отказался передать Сексту Пелопоннес¹⁷.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что пропаганда Октавиана была нацелена на создание в глазах римлян представления о единстве всех триумвиров. Но реальных сил у Октавиана от этого не прибавилось, а крайне неудачные боевые действия, гибель флота, продолжавшийся голод – все это вызвало новые волнения в Риме и ухудшило и без того тяжелое положение. И только неожиданное согласие Антония и Лепида принять участие в разгроме Сицилийской державы Помпея позволило Октавиану вновь обрести надежду на скорейшее уничтожение своего главного соперника в Западном Средиземноморье.

В начале весны 37 года Антоний, выполняя условия достигнутого ранее соглашения с Меценатом, прибыл в Тарент во главе мощнейшего флота из трехсот кораблей чтобы помочь Октавиану в его борьбе с Помпеем.

Возникает закономерный вопрос: что же могло произойти в отношениях между триумвирами, если Антоний так резко изменил своё отношение к войне? А.Б. Егоров этот поворот политики Антония объясняет "общими интересами триумвиров"¹⁸. Однако мы уже могли убедиться на событиях 40–38 гг., что действия триумвиров носили сугубо эгоистичный характер, направленный на усиление собственного влияния.

Безусловно, заслуживает внимания точка зрения, согласно которой побудительным мотивом непоследовательных действий Антония была необходимость в продлении срока полномочий II триумvirата, а также крайняя нужда в войсках для парфянского похода, которые он и намеревался получить в Италии взамен предоставляемой Октавиану помощи¹⁹. Условия соглашения в Таренте, по которым Антоний в обмен на корабли должен был получить 20 тысяч набранных в Италии пехотинцев, служат веским доводом в пользу этого предположения.

¹⁷ Dio Cass. XLVIII.46.3–4; App. BC. V.80. См. оценку: *Reinhold M. Marcus Agrippa. A biography.* Geneva, N. Y., 1933. P. 29; *Modrzejewski M. Menas.* S. 774–775. Упомянув Пелопоннес, Октавиан, вероятно, стремился доказать общественности свою верность подписанным соглашениям.

¹⁸ *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования принципата Л., 1985. С. 83. Об этом же говорил С. Пероун (*Perowne S.* Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N. Y., 1968. P. 256).

¹⁹ Dio Cass. XLVIII.54.1–6; Plut. Ant. 35. Эту же точку зрения высказал *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Т. 2. С. 104–108. Ср.: *Tarn W.W.* Antony's legions... P. 76–77.

Однако все это не позволяет объяснить, почему Октавиан, так настойчиво убеждавший Антония в необходимости разгромить сицилийский лагерь, в момент, когда тот наконец привел огромный флот, обеспечивавший решающее превосходство над силами Помпея и тем самым предопределявший его поражение, всеми мерами стал оттягивать начало боевых действий и в конце концов решительно отказался от них в тот год под вымышленным предлогом²⁰.

Р. Холмс, аргументировал этот отказ тем, что Октавиан строил собственный флот так быстро, что в скором времени помощь Антония просто не понадобилась бы²¹. Действительно, все источники зафиксировали поистине грандиозный характер работ по строительству нового флота²². Однако из тех же условий договора в Таренте следует, что потребность в кораблях Антония у Октавиана сохранилась. Ответ на вопрос о причинах отказа Октавиана от совместных действий с Антонием в 37 году, равно как и причины изменения отношения последнего к войне с Помпеем, на наш взгляд, следует искать в тех политических перестановках, которые произошли в 38 – начале 37 гг.

Как сообщает Аппиан, в это время Антоний послал к Лепиду своего вольноотпущенника – Каллия – с особой миссией. Речь шла о свадьбе дочери Антония и сына Лепида, причем предварительное согласие на брак было уже получено (App. BC. V.93.391). Но в таких случаях брачный союз, как правило, преследовал исключительно политические цели²³. Из этого сообщения Аппиана можно с уверенностью сделать вывод о том, что в 37 г. происходит сближение Антония и Лепида²⁴.

Источники не позволяют определить цели этого союза и потому мы можем судить о них только по дальнейшим событиям. Несомненно, для Антония дружественный ему Лепид был очень важен как сильное средство давления на Октавиана, причем в политико-идеологическом плане он был более выгоден, чем Помпей. К 37 году последний не только стал терять авторитет в Италии; в результате предательства Менодора существенно ослабла его боевая мощь, поскольку он лишился двух провинций, части армии и флота. В то же время, как уже отмечалось, Лепид весьма эффективно использовал предоставленную ему передышку, успев создать многочисленную ар-

²⁰ Как выразительно подчеркнул Аппиан, Октавиан пренебрег встречей с Антонием либо потому, что у него достаточно собственных сил, либо он «снова имел что-либо против Антония» (App. BC. V.93.388).

²¹ Holmes T.R. *The Architect of the Roman Empire*. Oxf., 1928. Vol. I. P. 112.

²² Например – сооружение в Байях новой Юлианской гавани, ставшей на долгие годы одной из основных военно-морских баз Рима. Аппиан сообщает, что к концу 37 года флот был готов и даже провели его религиозное очищение от возможного поражения (App. BC. V.96.401. Ср.: Suet. Aug. 16.1; Flor. II.18.6; Dio Cass. XLVIII.49.1–5, 50.1–4; Vell. Pat. II.79.1–2).

²³ Как метко заметил Р. Сайм, «политические союзы в Риме не были бы полными без брачных альянсов» (Syme R. Op. cit. P. 189).

²⁴ В.Н. Парфенов в этой связи предположил, что за Лепидом было молчаливо признано его место в триумvirате не без участия заинтересованного в нем Антония (Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа... С. 91).

мию и боевой флот. Отсюда, на наш взгляд, и происходит та легкость, с которой Антоний согласился на участие в уничтожении теперь уже не нужной ему Сицилийской державы.

Лепиду же его союз с Антонием вновь позволял занять подобающее ему место в триумvirате в качестве равноправного партнера. То, что в 36 году, после нескольких лет пассивного стояния в стороне, Лепид принял активное участие в войне с Помпеем, прямо указывает, что он попытался использовать этот союз для усиления своего влияния в Западном Средиземноморье. И из действий Лепида, когда он, по свидетельству Веллей Патеркула, потребовал от Октавиана удалиться с острова (Vell. Pat. II.80.2), можно предположить, что одним из условий договора с Антонием был переход Сицилии под контроль Лепида.

Понятно, что замена в Сицилии, занимавшей важное стратегическое положение, одного претендента на власть другим ни в коей мере не могла удовлетворить Октавиана. Поэтому-то он и отказался от немедленного разгрома Помпея в коалиции со своими коллегами в 37 г., отложив ее начало на следующий год, когда Антоний, занятый подготовкой восточного похода, должен был удалиться с театра боевых действий, ибо и без того он уже потерял целый год. Кроме того, здесь примешивался и еще один политический расчет: уничтожение движения, представлявшегося пропагандой как рабского и пиратского, существенно повысило бы популярность Октавиана в Италии и дало бы возможность приобрести столь необходимую ему социальную опору.

Таким образом, в 36 году Помпей оказался один на один со всей военной мощью Рима, чего он с успехом избегал в течение шести предыдущих лет. Одних только легионов на него выдвинули больше, чем в свое время против Брута и Кассия. Да и объединенные эскадры триумvirов также превосходили флот Помпея. Его поражение было предопределено.

А устранение с политической арены Лепида в том же году, ставшее крахом политики Антония и сделавшее Октавиана хозяином всего Западного Средиземноморья, предопределило начало схватки между оставшимися двумя триумvирами. Схватки, разрешившей долгий спор о праве наследовать власть Цезаря.

Следует более подробно остановиться на характеристики пропаганды соперников в 41–36 гг., тем более, что она в эти годы имела свои особенности, принципиально отличные от предыдущего времени. Несмотря на все усилия пропаганды Октавиана, доказывавшего единство действий триумvirов в борьбе, начатой якобы исключительно по вине Секста Помпея, историческая традиция все же обвиняет в развязывании войны самого Октавиана (Vell. Pat. II.79.1; Liv. ep. 128; Tac. Ann. I.10). Даже после гибели С. Помпея его имя оставалось популярным у римлян²⁵. Именно поэтому и Октавиан и Антоний

²⁵ О Титии, распорядившемся казнить Помпея в Милете, Веллей Патеркул сообщил: «Этим злодеянием он навлек на себя такую ненависть, что позднее, когда давал игры в театре Помпея, то был проклятиями народа изгнан со зрелища, которые сам устроил» (Vell. II.79.5).

стремились снять с себя ответственность за его смерть. Примечательно в этой связи, что в свое время Октавиан пышно отпраздновал казнь Секста Помпея как свидетельство своего единодушия с Антонием, вплоть до того, что поставил статуи коллеги в храме Согласия (Dio Cass. XLIX.18.6). Впрочем, вполне возможно, что эти празднества имели и дальний прицел: компрометация Антония как убийцы сына Помпея Магна. Не случайно в позднейшей пропаганде Октавиан специально подчеркивал, что он запретил преследовать Секста после разгрома 36 г., а перед Актийской кампанией прямо обвинил Антония в умерщвлении Помпея, которого сам он якобы приказал пощадить (App. BC. V.127.525; Dio Cass. L.1.4).

Анализируя пропаганду Секста Помпея, пожалуй, можно констатировать ее успешное применение в попытках повлиять на общественное мнение римлян. Четко прослеживается тенденция его причисления римлянами к республиканцам. По словам Аппиана, Секста считали последним борцом за восстановление республики (App. BC. V.1.3), тогда как в его реальных мероприятиях ничего подобного не наблюдается. В современной историографии мнения о Сексте Помпее разноречивы. Его считают то пиратом и политическим авантюристом, то своего рода монархом, повелителем морской державы, то надеждой и оплотом республиканцев²⁶. В Сицилийской кампании на стороне С. Помпея участвовали представители почти всех социальных слоев того времени, от рабов до нобилей. Такое разнообразие не могло не разделить лагерь Секста на отдельные политические фракции в зависимости от убеждений, надежд и стремлений участников движения. Источники не содержат никаких определенных указаний о программе движения. О характере установленного Помпеем режима мы можем судить только по косвенным данным (в первую очередь – по условиям Путеольского соглашения и обстановке, которая непосредственно предшествовала его подписанию, а также по некоторым мероприятиям самого Секста). Анализ этих сведений все чаще приводит исследователей к выводу о том, что режим, установленный Помпеем, носил автократический характер²⁷.

Однако для многих современников он долго оставался последним республиканцем, боровшимся за восстановление старого конституционного строя. И в создании такого образа, положительного в глазах римлян, огромная заслуга принадлежит умелой пропаганде Секста

²⁶ Разбор точек зрения, см.: *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа... С. 68–69. О последних работах, см.: *Рязанов В.В.* Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Воронеж, 1999. Вып. 3. С. 204. Едва ли справедлива точка зрения автора, что Секст Помпей «погиб, не понятый современниками, и их неверные оценки в устах потомков стали общепринятыми». Ср.: *Goldsworthy A.* Op. cit. P. 156–159.

²⁷ *Bengtson H.* Op. cit. S. 213; *Scullard H.H.* From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L., 1964. P. 164. *Парфенов В.Н.* Секст Помпей и сицилийцы... С. 68. Ср.: *Syme R.* Op. cit. P. 228; *Gabba E.* The Perusine War and Triumviral Italy // Harvard Studies in Classical Philology. 1971. Vol. 75. P. 148; *Kienast D.* Op. cit. S. 41.

Помпея. Безусловно, огромное значение для роста популярности и авторитета Секста Помпея имело то, что он был сыном Помпея Магна²⁸. Легенда «Pietas», относящаяся к памяти отца, появляется буквально на первых же выпущенных им монетах²⁹. Н.А. Машкин справедливо отметил, что в эпоху гражданских войн это понятие было политическим лозунгом, использовавшимся различными группировками³⁰. В период второго триумvirата лозунг «Pietas» был орудием идеологической борьбы между Секстом Помпеем и Октавианом, поэтому не удивительно, что в той или иной форме это понятие отражено на большинстве монет сына Магна. Л. Моравицкий отметил одну немаловажную особенность монетной чеканки Секста Помпея: он старался не использовать собственное имя, заменяя его именем отца и добавлением FILIVS³¹.

Судя по всему, подобная форма пропаганды была одной из наиболее эффективных как среди гражданского населения, так и среди армии, причем не следует забывать, что в свое время в Италии было поселено немало ветеранов Помпея Магна. М. Крофорд приводит еще один тип монет Секста Помпея, вызвавший дискуссию среди исследователей³². М. Грант считает, что сочетание черт Януса (традиционного для эпохи Республики) и Помпея Магна свидетельствует о стремлении достичь компромисса между амбициями помпеянских и идеалами республиканских сторонников Секста³³. Л. Моравицкий отвергает такую трактовку и считает, что изображение Януса с чертами Магна, то есть – бога и человека, говорит о создании культа Помпея³⁴.

²⁸ Правда, как показал В.В. Рязанов, сравнение Секста с отцом часто оказывалось неблагоприятным для сына и скорее мешало ему, чем помогало (*Рязанов В.В. Указ. соч. С. 204*). Однако еще Л. Моравицкий заметил, что Секст Помпей стал во главе помпеянцев только как наследник идеалов отца (*Morawiecki L. Political propaganda in the coinage of the late Roman Republic (44–43 B.C.). Wrocław, 1983. P. 64*). Скорее, дело не в идеалах, а имени и клиентах отца.

²⁹ *Cohen H. Op. cit. P. 4–5, № 12–18; p. 30, № 1–4; p. 32, № 1*. Часто встречается легенда MAGN PIVS IMP. (См.: *Crawford M.H. Roman Republican Coinage. Cambr., 1974. Vol. I. P. 477–479*). Ср.: *Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor., 1988. P. 40*.

³⁰ *Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 224*.

³¹ *Morawiecki L. Op. cit. P. 64 f. Ср.: Carter J.M. The Battle of Actium. The Rise and Triumph of Augustus Caesar. L., 1970. P. 129 f.* Такова же форма надписи, найденной в Лилибее: *Mag. Pompeio Mag. f. Pio...* (Dess. 8891). Примечательно, что этот принцип именования Секста Помпея в официальных документах был заложен довольно рано. Так, уже в марте 43 г. Цицерон в 13 Филиппике использовал этот штамп: «*Pompeium, Gnaei filium...*» (Cic. Phil. XIII. 21.50).

³² *Crawford M. Op. cit. P. 479*. На этих монетах изображен Помпей Магн с чертами Януса. Впрочем, М. Крофорд отмечает, возможно, что здесь изображен сам Секст Помпей, борода которого свидетельствует о его скорби по отцу и, возможно, брату Гнею.

³³ *Grant M. Op. cit. P. 23*.

³⁴ *Morawiecki L. Op. cit. P. 63–64*. По мнению исследователя, целью подобной пропаганды Секста была не вербовка новых сторонников, а объединение вокруг себя помпеянцев – прежних сторонников отца (*ibid. P. 69*).

Точка зрения А. Моравицкого не кажется убедительной. Источники ничего не говорят о стремлении Секста Помпея создать культ «божественного Помпея». Скорее, Секст подчеркивал, что отец являлся последовательным противником диктатуры Цезаря и сторонником Республики. Пожалуй, наиболее обоснованным суждением о подобной символике монет С. Помпея является точка зрения П. Цанкера, считающего, что Секст Помпей пропагандировал не только почтение к памяти отца, но и месть за его поражение³⁵.

В политической терминологии последних лет существования Республики, понятие «помпеянец» прочно обозначало сторонника республики, и поэтому не случайно подчеркивание пропагандой Секста своей связи с отцом. Его имя стало знаменем борьбы против триумвиров, а эта борьба, как верно отметил В.Н. Парфенов, вне зависимости от личных намерений С. Помпея, велась исключительно под республиканскими лозунгами³⁶. Отсюда же, в частности, настойчивое подчеркивание его пропагандой законного характера своих полномочий: на монетах Секста Помпея в течение 43–36 гг. довольно часто использовалась легенда *praefectus classis et orae maritimae*³⁷. Эта должность как бы была унаследована им от отца и это обстоятельство также нашло отражение в политической пропаганде Секста: он доказывал, что действует в рамках республиканских законов согласно постановлению сената (на что указывает легенда на его монетах – *SC – ex senatus consulto*).

Некоторые действия С. Помпея также однозначно трактовались современниками как приверженность республике. В частности, активность Секста Помпея, проявленная им в 43 г., по спасению от смерти многих граждан, внесенных в проскрипционные списки, сделала его в глазах римлян борцом против тирании триумвиров (App. BC. IV.36., 85.; Dio Cass. XLVIII.36.3–4). Эти события также использовались его пропагандой. На некоторых монетах Секст Помпей изображался в дубовом венке (*согона сивика*), полагавшемся за спасение граждан³⁸.

Таким образом, можно констатировать, что деятельность Секста Помпея была направлена на создание образа последнего борца за республику. Это обстоятельство было использовано Октавианом в его пропаганде среди ветеранов Цезаря. Опираясь (по крайней мере, до 39 г.) почти исключительно на цезарианскую армию и колонистов, Октавиан, также как и в борьбе с Луцием Антонием, использовал их

³⁵ Zanker P. Op. cit. P. 40–41. О том, что Секст Помпей являлся врагом Цезаря, говорил в речи Октавиан (App. BC. V.98.406).

³⁶ Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа... С. 84. О значении понятия «республика» для римлян, см.: Hodgson L. *Res Publica and the Roman Republic 'Without Body or Form'*. Oxf., 2017. P. 261–276.

³⁷ Cohen H. Op. cit. Vol. I. P. 30. № 1–4, P. 32. № 1; Babelon E. Op. cit. Vol. II. P. 352. Одним из первых историков на это обратил внимание М. Чарльзуэрт (*Charlesworth M.P. The Avenging of Caesar // САН. 1932. Vol. X. P. 15*).

³⁸ Cohen H. Op. cit. Vol. I. P. 32. № 1; Babelon E. Op. cit. Vol. II. P. 348. Ср.: Рязанов В.В. Указ. соч. С. 208.

негативное отношение к Помпею и республиканцам. Его пропаганда была нацелена на осознание ветеранами угрозы своим политическим и имущественным интересам. По словам Аппиана, приемный сын Цезаря в своей агитации постоянно приписывал Помпею намерение возвратить изгнанных землевладельцев, земли которых были поделены среди ветеранов (App. BC. V.53.219). И этой его пропаганде сопутствовал успех, так как колонисты на протяжении всех лет (с 43 по 36 гг.) во всем поддерживали Октавиана в его борьбе с Секстом Помпеем.

Говоря об антиреспубликанской пропаганде Октавиана, следует обратить внимание, что она была ориентирована исключительно на армейские круги. В современной историографии неоднократно отмечалось, что в 30-х гг. до н.э. происходит смена приоритетов во взглядах Октавиана. Она связывается исследователями с осознанием им того обстоятельства, что создать прочную основу своей власти, опираясь исключительно на армию нельзя³⁹. Поворотным пунктом новой политики Октавиана в отношении знати некоторые историки считают 36 г. до н.э., когда был разгромлен Секст Помпей⁴⁰.

Однако следует отметить более ранние усилия Октавиана по сближению со знатью. М. А. Леви говорит, что его первой попыткой достичь соглашения с консервативным нобилитетом был блок с Лепидом в 40 г. до н.э., так как тот обладал огромными связями с большинством древних фамилий⁴¹. Однако такую трактовку событий 40-го года до н.э. вряд ли можно признать справедливой, так как целью военно-политического блока Октавиана и Лепида было противостояние коалиции, возглавляемой Марком Антонием. Союз с Лепидом, на который пошел Октавиан в том году, давал ему возможность объявить в среде ветеранов, что виновником войны является М. Антоний, выступивший против своих коллег по триумvirату.

Кроме того, нелишне упомянуть о массовых казнях сенаторов и всадников, предпринятых Октавианом в 40 г. после победы в Перузинской кампании⁴². Учитывая это, а также последующие события

³⁹ Tarn W.W., Charlesworth M.P. The Triumvirs... P. 56; Bunne P.Ю. Указ. соч. С. 306. Ср.: Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа... С. 96 сл.

⁴⁰ Машкин Н.А. Принципат Августа... С. 262 сл.; Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 197; Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М., Калуга, 1994. С. 150; Gabba E. The Historians and Augustus // Caesar Augustus: Seven aspects / ed. by F. Millar and E. Segal. Oxf., 1984. P. 70; Kienast D. Op. cit. S. 52.

⁴¹ Levi M.A. Il tempo di Augusto. Firenze, 1967. P. 95. На этот союз обратил внимание Е. Сайденхем (Sydenham E.A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952. № 1323 – монета с совместным изображением Лепида и Октавиана). См. также: Zehnacker H. Moneta. Recherches sur l'organisation et l'art des émissions monétaires de la République Romaine (289–31 av. J.C.). Rome, 1973. T. 1. P. 626.

⁴² Наиболее яркую картину расправ рисует Светоний. По его словам, триста человек всех сословий были торжественно казнены у алтаря Цезаря в Риме, многих убили на месте (Suet. Aug. 15). Об этом же писал Дион Кассий, уточнив, что триста – это только сенаторы и всадники (Dio Cass. XLVIII.14.4).

(войну против Клавдия Нерона в Кампании, конфликт с Антонием, заключившим союз с «республиканцами» – Домицием Агенобарбом и С. Помпеем) датировка, предложенная М. Леви представляется слишком ранней.

Можно согласиться с мнением А.Б. Егорова, что датой начала нового курса Октавиана в отношении знати следует считать 39/38 гг., то есть после Путеольского соглашения⁴³. Дж. Линдсей отметил интересную подробность: с 38 г. Октавиан перестал использовать имя Юлий и начал именовать себя «император», используя этот титул в качестве своего первого имени – «Император Цезарь»⁴⁴. Из всего этого можно заключить, что антиреспубликанская пропаганда Октавиана с 38 г. велась исключительно в военных кругах, в то время как в Риме выдвигались другие лозунги: представление войны с Секстом Помпеем исключительно как борьбы с пиратами и беглыми рабами (Vell. Pat. II.73.1; RG. XXV.1, XXVII.3).

С 38 г. Октавиан развернул целую пропагандистскую кампанию против Секста Помпея, всячески порочил его в глазах римлян, постоянно обвинял в нарушении Путеольского договора (App. BC. V.77.325–329. Ср.: Flor. II.18.5). В источниках впервые с 43 г. отмечается факт многочисленных обращений Октавиана и его сторонников к народу с объяснением его шагов⁴⁵. Об эффективности пропаганды Октавиана говорит Аппиан, отметив появление в Риме в 38 г. разговоров о том, что Путеольский договор принес не облегчение для Италии, но «появление еще и четвертого тирана»⁴⁶.

Только Веллей Патеркул старался снять вину с Октавиана и возложить ее на "разгневанных" воинов (Vell. Pat. II.74.3. Ср.: App. BC. V.48).

⁴³ Егоров А.Б. Республиканская знать и становление системы принципата... С. 33. М. Чарльзуэрт в этой связи отметил женитьбу Октавиана в 38 г. на Ливии, что по мнению исследователя, было символом наступающего примирения Октавиана с сенатской аристократией (Tarn W.W., Charlesworth M.P. The Triumphs... P. 33).

⁴⁴ Lindsay J. Cleopatra. N. Y., 1971. P. 238. На это же указал В. де Суза (De Souza V. Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern spätrepublikanischen und augusteischen Zeit. München, 1974. S. 54 f). В.Н. Парфенов отметил одну особенность «Буколик» Вергилия: поэт убеждал читателя, что многие из землевладельцев, сохранившие свои земли, своим благополучием обязаны Октавиану (Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа... С. 95). Известно, что «Буколики» были написаны поэтом в период до 38 г. (См.: Griffin J. Virgil. Oxf.; N. Y., 1986. P. 10, 20).

⁴⁵ App. BC. V.77, 80. С.А. Утченко утверждает, что в 38 г. общественное мнение в Италии стало складываться не в пользу Секста Помпея, чем Октавиан и решил воспользоваться (Утченко С.А. Древний Рим. С. 190). Исследователь, вероятно, допускает неточность, так как негативное отношение к Сексту – это во многом результат пропаганды Октавиана, мечтавшего о разгроме Помпея еще с 43 г., когда он направил против него эскадру под руководством Сальвидиена Руфа (App. BC. IV.85.358–361; Dio Cass. XLVIII.18.1–2, 19.1; Liv. ep. 123).

⁴⁶ App. BC. V.77.328. В.Н. Парфенов заметил, что Путеольское соглашение отсекло от Секста Помпея примиренчески настроенную часть нобилитета и для имущих слоев в Италии впредь уже не было причин предпочитать Помпея Октавиану (Парфенов В.Н. Секст Помпей и сицилийцы... С. 63 сл.).

Таким образом, налицо факт дуализма пропаганды Октавиана. Очевидно, осознав силу идеологического обоснования своих действий, он выработал новую для себя методику социально ориентированной политической пропаганды, адресованной различным слоям общества.

Еще одной характерной чертой идеологической конфронтации периода 41–36 гг. является использование в ней религиозных верований. В источниках отмечается, что Секст Помпей, не отказываясь от родства с Магном, одновременно объявил себя приемным сыном Нептуна (App. BC. V.100.416; Dio Cass. XLVIII.19.2; Plin. NH. IX.55; Hor. Epod. IX.7–8). Нептун официально считался его покровителем, которому он приносил жертвоприношения (Flor. II.18.3; Dio Cass. XLVIII.31.5, 48.5). Эта связь с богом подчеркивалась и монетной пропагандой⁴⁷. В таких действиях Секста Помпея А.И. Кубанова видит влияние его рабов и вольноотпущенников⁴⁸. Впрочем, большинство исследователей видят в них средство идеологической борьбы с Октавианом, сыном Божественного Юлия. «Сын бога Юлия» на равных выступал против «сына бога Нептуна». Другими словами, благодаря подобной пропаганде, Секст Помпей, став равным Октавиану с точки зрения религии, тем самым лишал своего врага превосходства.

Октавиан во время борьбы против Помпея демонстративно «унижал» Нептуна. Впрочем, Аппиан рассказывает, что накануне решающего наступления на Сицилию 1 июля 36 г., Октавиан, уважая религиозные чувства своих солдат, поспешил «помириться» с Нептуном, совершив торжественные жертвоприношения и возлияния в его честь (App. BC. V.98.406). Любопытна формулировка цели церемонии: «чтобы он (и ветры) содействовали ему против *врагов его отца*».

Впрочем, обосновывая свои амбиции высокими идеями, оппоненты не исключали из пропагандистского арсенала и более простых средств, понятных и близких всем римлянам, например, унижающих насмешек и сплетен. Светоний сохранил нам свидетельство личных нападок Секста Помпея на Октавиана: «Секст Помпей называл его (Октавиана – С.А.) женоподобным» (Suet. Aug. 68). К сожалению, за исключением этого сообщения, источники не приводят примеров таких сплетен. Но, учитывая распространенность таких форм борьбы в период 49–30 гг., уже одного свидетельства достаточно, чтобы сделать вывод об использовании их в борьбе Помпея и Октавиана. В качестве ответа Октавиана можно привести слова Веллея Патеркула, что Секста Помпея называли «*libertorum suorum libertus, servorumque servus*» (Vell. Pat. II.73.1).

При устранении Лепида в 36 г. Октавиан вновь использовал агентуру, засланную в ряды противника. Все источники однозначно обвиняют в конфликте одного Лепида⁴⁹. И в этом, пожалуй, с ними можно

⁴⁷ Cohen H. Op. cit. Vol. I. P. 30–31, № 1–4; p. 32, № 1.

⁴⁸ Кубанова А.И. Указ. соч. С. 65.

⁴⁹ Vell. Pat. II.80.1–2; App. BC. V.123.509; Suet. Aug. 16.4; Dio Cass. XLIX.11.3. Данные источников несколько разнятся. Аппиан и Кассий Дион отмечали, что Лепид потребовал себе «всех прав», полученных им при образовании триумвирата. Г. Бенгтсон считает, что Веллей и Светоний отражают

согласиться. Как уже отмечалось, в основе претензий Лепида на Сицилию, вероятно, была договоренность с Марком Антонием. Однако вряд ли это было так неожиданно для Октавиана, как это изображают источники. По словам Аппиана, Октавиан был в курсе переговоров и соглашения между Антонием и Лепидом и предполагал, что этот союз направлен именно против него (App. BC. V.93.391). Еще Р. Сайм высказал предположение, что падение Лепида было тщательно подготовлено⁵⁰. Аппиан рассказывает, что Октавиан подослал в лагерь Лепида своих эмиссаров, сумевших склонить обещаниями весьма многих солдат на сторону Октавиана⁵¹.

Завершив захват власти в Западном Средиземноморье, Октавиан сразу же показал, что годы борьбы прошли не зря. Его победа не была бы полной без пропагандистской кампании, развернутой им в Риме после ликвидации Сицилийского лагеря. Одним шагом Октавиан завоевал такую популярность, которая сделала его ведущим политиком Рима. Исследователи единодушно отмечают, что после завершения борьбы с Секстом Помпеем, в пропаганде Октавиана огромное значение стала приобретать республиканская фразеология⁵². Использование республиканских лозунгов позволило ему не просто избежать односторонней ориентации на армию, но создать для себя более широкую социальную опору. Октавиану было крайне необходимо добиться перелома в пока еще неблагоприятном общественном мнении. Ему, в отличие от Антония, нечего было надеяться на богатый Восток, – все необходимое для упрочения своего положения предстояло найти в Италии. И пропагандистская кампания, устроенная Октавианом после возвращения в Рим, немало способствовала укреплению его позиций в римском обществе.

Организация этой кампании не лишена интереса, так как по своему размаху она в какой-то мере напоминала мероприятия Цезаря. В определенном смысле Октавиан не только копировал действия Цезаря, но и провел своего рода репетицию пропагандистской кампании 33–32 гг.

официальную версию событий (*Bengtson H.* Op. cit. S. 207). И.Ш. Шифман считает, что Лепид хотел не только захватить Сицилию, но в перспективе лишить Октавиана власти (*Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 77. Ср.: *Perowne S.* Op. cit. P. 259).

⁵⁰ *Syme R.* Op. cit. P. 232. См. также: *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа... С. 92 сл.; *Jal P.* La guerre civile a Rome. Etude litteraire et morale de Ciceron a Tacite. P., 1963. P. 131.

⁵¹ App. BC. V.124.512–513. Причем агенты действовали так скрытно, что Лепид, если верить источнику, ничего не узнал об их деятельности. Можно предположить, что Октавиан на этот раз отказался от испытанной практики разбрасывания прокламаций. Впрочем, возможно, листовки просто не успели изготовить из-за скоротечности конфликта.

⁵² См., напр.: *Scott K.* The Political Propaganda... P. 28 ff.; *Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The Triumvirs... P. 63–64; *Reinhold M.* Marcus Agrippa. A biography. Geneva, N.Y., 1933. P. 41; *Perowne S.* Op. cit. P. 260; *Zanker P.* Op. cit. P. 78 f.; *Bunnep P.Ю.* Указ. соч. С. 309–311; *Крифт К.* Указ. соч. С. 93 сл.

Первое, что продемонстрировал Октавиан – это твердое намерение действовать прежде всего в интересах гражданского населения Италии. Именно эту цель преследовала грандиозная акция расправы с бывшими рабами из армии Секста Помпея. Около 30 тысяч рабов вернули хозяевам, а остальных, за неимением таковых (около 6 тысяч), казнили (RG. XXV. 1; App. B.C. V.131.545; Dio Cass. XLIX.12.4–5). В свою пору, бегство рабов в Сицилию приняло такой масштаб, что, как отметил Кассий Дион, даже весталки были вынуждены включить в молитвы просьбу прекратить побег (Dio Cass. XLVIII.19.4). Беспощадная расправа с рабами подтверждала, что отныне это бедствие перестало грозить Риму. С другой стороны, она демонстрировала готовность Октавиана защищать интересы имущих слоев.

Но, пожалуй, самым значимым для укрепления авторитета приемного сына Цезаря стало заявление об окончании гражданских войн, сделанное им в сенате сразу после возвращения в Рим (App. B.C. V.130.540). Чутко уловив господствующие настроения, Октавиан приказал уничтожить все документы, относящиеся к гражданской войне, в том числе – проскрипционные списки. Подчеркивая, что отныне он будет подчиняться законам, Октавиан «отчитался» сенату в своих действиях, а также, по словам Аппиана, объявил о грядущем возвращении реальных полномочий многим римским должностным лицам (App. B.C. V.132.548). Были прощены недоимки по налогам и другим платежам. Более того, Октавиан публично пообещал сложить свою власть и восстановить прежний государственный строй после возвращения Антония из парфянского похода (Dio Cass. XLIX.15.3; App. B.C. V.132.548). А отказ лишить Лепида пожизненной должности Великого понтифика должен был только подчеркнуть его готовность следовать обычаям предков.

Более того, его реальные мероприятия по удовлетворению интересов армии приобрели новые черты. Как отметил Р.Ю. Виппер, с 36 г. изменился характер земельных конфискаций в Италии: землю стали выкупать у прежних хозяев⁵³. Особое уважение Октавиан выказал сенаторам. Как отметил Кассий Дион, Октавиан запретил всем, кроме сенаторов пользоваться пурпурной тогой. Откровенный реверанс в отношении знати он сделал, когда включил Валерия Мессалу в число авгуров (причем сверх положенного в этой коллегии количества жрецов). Учитывая, что Валерий Мессала ранее был внесен в проскрипционные списки, его помилование было знаковым событием (Dio Cass. XLIX.16.1).

Все это широко рекламировалось пропагандой Октавиана. Аппиан приводит ценное свидетельство, характеризующее усилия Окта-

⁵³ *Vipper P.Ю.* Указ. соч. С. 309–310. Как отмечает исследователь, с этого времени вместо военных комиссаров устройство колоний стали поручать местным властям. См. также: *Vell. Pat.* II.81.2; Dio Cass. XLIX.14.5. Как показал Ш. Стоун, огромные средства Октавиан черпал из покоренной Сицилии, которая стала жертвой карательных акций (*Stone Sh.* Op. cit. P. 12 f.). Аппиан упоминает контрибуцию в 1600 талантов, наложенных на Сицилию (App. B.C. V.129.537).

виана: он издал книгу, в которой «излагал свои дела и меры управления с начала и до настоящего времени» (App. BC. V.130.539). Имея перед глазами «Деяния божественного Августа», нетрудно предположить характер и цели этой книги. Не менее прокламативным было обещание построить храм Аполлона на месте собственного дома (Dio Cass. XLIX.15.5). Как иронично отметил К. Крест, Октавиан отождествлял личные интересы и укрепление собственной власти с интересами всей страны, а потому представил победу над Помпеем как событие, идущее во благо всей Италии⁵⁴.

Результаты не замедлили сказаться. Он был удостоен великих почестей – ростральной колонны с золотой статуей на Форуме с надписью «На суше и на море он восстановил нарушавшийся долгими распрями мир» (App. BC. V.130.542). Его изображения ставили в городах рядом с изображениями местных богов, ему предоставили часть трибунских прерогатив⁵⁵, право постоянного ношения лаврового венка, ежегодные празднества в день Навлохской битвы, и, наконец, право на овацию (App. BC. V.130–132; Dio Cass. XLIX.15.1–6). Несомненно, его авторитет вырос необычайно благодаря такой умелой и целенаправленной пропаганде.

Таким образом можно заключить, что лозунги, выдвигавшиеся республиканцами, не исчезли со смертью Брута и Кассия. Переосмысленные и трансформированные в новые удобные формы, они прочно обосновались в идеологической терминологии всех претендентов на политическое наследие Цезаря. Взятые на вооружение Октавианом, Секстом Помпеем, Луцием и Марком Антониями, республиканские лозунги служили для привлечения симпатий тех слоев населения, для которых республика, освященная обычаями предков, еще оставалась притягательной идеей. Перузинская и Сицилийская кампании, являвшиеся неразрывными звеньями единой борьбы за власть над всем Западным Средиземноморьем, показала, что мыслящих подобным образом в Риме оставалось еще немало. Именно поэтому политическая пропаганда приобрела особую значимость в период 41–36 гг. Благодаря ее искусному применению, можно было приобрести столь необходимую поддержку и отстоять свое право на власть над Римом. Лучшее всех удалось это сделать Октавиану

Литература:

Ахиев С.Н. Мартовские Иды 44 г. до н.э.: идеология заговорщиков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2016. Т. 17. Вып. 2. С. 165–170.

⁵⁴ Крест К. Указ. соч. С. 94.

⁵⁵ Аппиан ошибочно говорит об избрании пожизненным трибуном, однако это противоречит данным Кассия Диона (Dio Cass. XLIX.15.2) и самого Августа (RG. IV.2), согласно которым пожизненным трибуном Октавиан стал в 23 г. См.: Михайловский Ф.А. К вопросу о генезисе трибунских полномочий Августа // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. М., 1989. С. 34 сл.

- Ахиев С.Н.* Основные направления пропаганды Гая Юлия Цезаря // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 43–49.
- Ахиев С.Н.* Монетная пропаганда в позднереспубликанском Риме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Саратов, 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 47–51.
- Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Т. 2.
- Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941.
- Егоров А.Б.* Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования принципата Л., 1985.
- Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина / Пер. с нем. под ред. Н.И. Диденко. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 1.
- Кубанова А.И.* Движение рабов в гражданской войне 43–36 гг. до н.э. в Сицилии // Ученые записки Гос. пед. ин-та. 1958. Вып. 8. С. 54–60.
- Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949.
- Межеричский Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994.
- Михайловский Ф.А.* К вопросу о генезисе трибунских полномочий Августа // Социально-политические и культурные проблемы истории стран Европы от античности до нового времени. М., 1989. С. 33–40.
- Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
- Парфенов В.Н.* Секст Помпей и сицилийцы // АМА. 1990. Вып. 8. С. 63–73.
- Парфенов В.Н.* Триумвир М. Эмилий Лепид // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 126–140.
- Рязанов В.В.* Политические цели и методы Секста Помпея и Октавиана Августа // Норция. Воронеж, 1999. Вып. 3. С. 204–211.
- Утченко С.Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
- Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990.
- Штаерман Е.М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
- Babelon E.* Description historique et chronologique des monnaies de la republique Romaine. P., 1886. Vol. II.
- Bengtson H.* Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orient. München, 1977.
- Carter J.M.* The Battle of Actium. The Rise and Triumph of Augustus Caesar. L., 1970.
- Charlesworth M.P.* The Avenging of Caesar // CAH. 1934. Vol. X. P. 1–30.
- Cohen H.* Description historique des monnaies frappees sous l'Empire Romain communement appelées medailles imperiales. Graz, 1955. Vol. 1.
- Crawford M.H.* Roman Republican Coinage. Camb., 1974. Vol. I.
- De Souza V.* Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern spatrepublikanischen und augusteischen Zeit. München, 1974.
- Gabba E.* The Historians and Augustus // Caesar Augustus: Seven aspects / ed. by F. Millar and E. Segal. Oxf., 1984. P. 61–89.
- Gabba E.* The Perusine War and Triumviral Italy // Harvard Studies in Classical Philology. 1971. Vol. 75. P. 139–160.
- Goldsworthy A.* Augustus. From Revolutionary to Emperor. L., 2014.
- Grant M.* From imperium to auctoritas. A historical study of Aes coinage in the Roman Empire 49 B.C. – A.D. 14. Oxf., 1969.
- Griffin J.* Virgil. Oxf., N.Y., 1986.

- Hahn I.* Die Legions Organisation des Zweiten Triumvirats // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1969. Bd. 17. fasc. 1–2. S. 199–222.
- Hodgson L.* Res Publica and the Roman Republic 'Without Body or Form'. Oxf., 2017.
- Holmes T.R.* The Architect of the Roman Empire. Oxf., 1928. Vol. I.
- Jal P.* La guerre civile a Rome. Etude litteraire et morale de Ciceron a Tacite. P., 1963.
- Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992.
- Levi M.A.* Il tempo di Augusto. Firenze, 1967.
- Lindsay J.* Cleopatra. N. Y., 1971.
- Miltner F.* Sex. Pompeius Magnus // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1952. Hbbd. 42. S. 2213–2250.
- Modrzejewski M.* Mena // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1931. Hbbd. 29. S. 775.
- Morawiecki L.* Political propaganda in the coinage of the late Roman Republic (44–43 B.C.). Wroclaw, 1983.
- Munzer F.* Menodoros // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1931. Hbbd. 29. S. 897
- Perowne S.* Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N.Y., 1968.
- Reinhold M.* Marcus Agrippa. A biography. Geneva; N.Y., 1933.
- Ripat P.* Locating the Grapevine in the Late Republic: Freedmen and Communication // *Free at Last! The Impact of Freed Slaves on the Roman Empire* Edited by Sinclair Bell and Teresa Ramsby. L., 2012. P. 50–65.
- Scuderi R.* Marco Antonio nell' opinione publica dei militari // *Aspetti dell' opinione publica nel mondo antico*. Milano, 1978. P. 117–137.
- Scullard H.H.* From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L., 1964.
- Smethurst S.* Marc Antony – reluctant politician // *Thought from the Learned Societies of Canada*. Toronto, 1960. P. 155–170.
- Sydenham E.A.* The coinage of the Roman Republic. L., 1952.
- Syme R.* Roman Revolution. Oxf., 1939.
- Tarn W.W.* Antony's legions // *CIQ*. 1932. Vol. 26. P. 75–81.
- Tarn W.W., Charlesworth M.P.* The Triumvirs // *CAH*. 1934. Vol. X. P. 66–111.
- Welch K.E.* The Career of M.Aemilius Lepidus 49–44 B.C. // *Hermes*. 1995. Bd. 123. Hft. 4. P. 443–454.
- Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor., 1988.
- Zehnacker H.* Moneta. Recherches sur l'organisation et l'art des emissions monetaires de la Republique Romaine (289–31 av. J.C.). Rome, 1973. T. 1.